

Глава 28. Обращения

Сюй Яньци закончил завтракать, и для Гуаджи наконец-то нашлось достойное занятие. Робот с готовностью подхватил грязную посуду и принялся загружать её в посудомоечную машину, попутно преградив путь гостю, который тоже потянулся было помочь:

— Господин Сюй, оставьте, пожалуйста! Предоставьте это мне, иначе я просто лишусь работы.

«Какая у робота может быть безработица?» — мысленно улыбнулся Яньци.

Он послушно покачал головой и вернулся на стул, не собираясь спорить с Умным дворецким из-за чашек и тарелок.

Оказавшись в незнакомом доме после еды, Сюй Яньци растерялся: он совершенно не представлял, чем заняться дальше. Большую часть жизни он проводил в одиночестве, и сейчас, по сути, мало что изменилось.

За его спиной хлопотал весёлый и деятельный Умный дворецкий. Начищая столешницу, Гуаджи даже принялся мурлыкать под нос какую-то мелодию. Напев показался Яньци знакомым; прислушавшись, он узнал недавний хит «Светлячок».

Надо же, робот — а умудряется фальшивить. Сюй Яньци невольно усмехнулся: такое он видел впервые.

В дальнем углу гостиной, на многоярусном игровом комплексе, бесшумно сновал чёрный кот. Если бы интерьер квартиры не был выдержан в светлых, пастельных тонах, его силуэт окончательно растворился бы в пространстве.

Выходит, поменялись только декорации, а сама жизнь текла по прежнему руслу. И всё же в этой привычной, монотонной рутине незаметно зрели ростки каких-то подспудных перемен.

— Всё готово, господин Сюй! — отрапортовал Гуаджи.

Закончив с уборкой, он смешно заковылял на своих коротких ножках в сторону гостиной. Настроение у Умного дворецкого явно зашкаливало.

— Ци Мо оставил сообщение: он вернётся только после обеда, ближе к вечеру. Чем планируете заняться? Какие будут распоряжения?

Сюй Яньци и сам бы не отказался от какого-нибудь плана, но от этого вопроса в груди шевельнулось глухое раздражение. Он слишком отвык от праздных разговоров и необходимости постоянно поддерживать беседу. На работе — другое дело, там он

преображался. Гордость гордостью, и гнуться ради копеечного заработка он бы не стал, но работодатели предлагали столь баснословные суммы, что капризничать не приходилось.

— У меня к тебе вопрос, — заговорил Сюй Яньци, дождавшись, пока робот вежливо мигнет экраном, безмолвно предлагая спрашивать. — Почему Ци Мо ты называешь просто по имени, а меня — «господин Сюй»?

Такая разница в обращении невольно вызывала у него дискомфорт. Словно они внезапно переместились в позапрошлый век, где он — властный помещик, а Ци Мо вместе с Гуаджи — его крепостные слуги.

— Всё очень просто: ваша фамилия Сюй, и вы мужчина!

Сюй Яньци только и смог что промолчать в ответ.

«Какая потрясающая, железобетонная логика», — подумал он. Против очевидных фактов не попрешь. До такого простого объяснения нормальный человек ни за что бы не додумался, пока машина не разложила всё по полочкам.

— Называть его просто по имени — личная просьба Ци Мо, — пустился в объяснения Гуаджи. — Он заявил, что едва успел переступить порог университета и всё ещё числится юным, невероятно привлекательным студентом. Мол, обращение «господин» его старит, а он терпеть не может столь вопиющего несоответствия действительности.

В принципе, резонно. Сюй Яньци уже давно окончил вуз и был на несколько лет старше Ци Мо, так что уважительное «господин» вполне подходило его статусу. Но вот пассаж про «юного и привлекательного»... Неужели холодный, сдержанный Ци Мо действительно мог сморозить нечто подобное? Яньци искренне засомневался. Парень совершенно не производил впечатления легкомысленного балагура.

И всё же гостить в чужом доме, уплетать чужой завтрак и при этом выслушивать церемонное «господин» казалось излишним. В конце концов, стоило уравнивать себя в правах с хозяином жилья.

— Называй меня просто по имени, — попросил Яньци. — И давай без этого официального «вы». Общайся со мной так же, как и с Ци Мо.

Умный дворецкий оказался на редкость сообразительным. Несмотря на нелепое имя, глупостью он явно не отличался. Едва Сюй Яньци закончил фразу, Гуаджи тут же воспользовался моментом и радостно выдал:

— Договорились, Яньци!

Он перешёл на «ты» мгновенно, словно школьник, который заглянул в конец решебника и списал готовый ответ, пропустив все промежуточные вычисления. Просто, лаконично и без лишних реверансов.

Сам напросился. Этот недотёпа-дворецкий не стал изображать из себя ленивого осла у мельничного жернова, вздыхать и препираться. Напротив, он распахнул душу навстречу переменам с такой прытью, что Яньци даже зажмурился от столь внезапного проявления дружелюбия.

— Ладно, — вздохнул Сюй Яньци, то ли соглашаясь с машиной, то ли пытаясь успокоить самого себя. — Имя — это всего лишь слово, для того его и придумали, чтобы произносить вслух.

А уж кто его произносит — человек или искусственный интеллект — какая, к чёрту, разница?

Проблема с субординацией была решена, равенство с хозяином восстановлено. Вот только Яньци совсем забыл простую истину: у любой медали есть обратная сторона. Позволив Гуаджи фамильярность, он напрочь упустил из виду одну немаловажную деталь — феноменальную болтливость этого жестяного создания.

— Яньци, ну так чем займёмся? — затараторил робот, преданно заглядывая ему в лицо. — У нас тут отличная библиотека, домашний кинотеатр, игровая зона и даже тренажёрный зал! Выбирай, куда хочешь пойти?

Успешно прорекламировав свои кулинарные таланты, Гуаджи с тем же пылом принялся пиарить достоинства квартиры. Сюй Яньци уже начал сомневаться, собственное ли имя он слышит. За всю сознательную жизнь его, пожалуй, не называли «Яньци» так часто, как за последние пять минут.

И он даже представить себе не мог, что это лишь цветочки. Дальше будет только хуже.

— Спасибо, не стоит, — вежливо отказался Яньци, лихорадочно соображая, чем бы заняться.

Если он прямо сейчас не придумает себе дело, робот не замолкнет до вечера. Но мысли путались, язык выдал отказ раньше, чем мозг успел сообразить альтернативу, и Сюй Яньци завис, не зная, что сказать дальше.

Умный дворецкий, очевидно, не был запрограммирован на понимание того, что молчание иногда золото. Он уставился на гостя своими круглыми светящимися сенсорами. Они замерли друг напротив друга, рискуя превратиться в две нелепые статуи, как вдруг бесшумная чёрная тень пролетела через комнату.

Кот пулей взлетел на плоскую голову Гуаджи и, забавно растопырив лапы, уцепился когтями прямо за его оптические датчики, пытаясь удержать равновесие.

Робот испуганно моргнул, и его сенсоры, до этого светившиеся мягким светом, сузились в две тонкие полоски. Гуаджи комично вскрикнул, словно пушистый разбойник нанёс ему смертельную рану:

— Мяу-мяу-мяу!

Самое смешное, что кошачье звукоподражание издал вовсе не усатый наглец, а сам пострадавший жестяной слуга.

Сюй Яньци заворожённо наблюдал за этой сценой. Кот метался по комнате, робот размахивал манипуляторами, и хотя они принадлежали к совершенно разным мирам, между ними шёл оживлённый, абсолютно безбарьерный диалог.

Куда там знанию иностранных языков! Люди годами бьются над лингвистическими барьерами внутри своего вида, а тут прямо на глазах разворачивался сеанс успешного межвидового общения.

Яньци отодвинул стул подальше от эпицентра катастрофы, сел, поудобнее скрестив руки на груди, и приготовился с чисто эстетическим удовольствием наблюдать за тем, как эти двое сойдутся в эпической битве.

Тем временем уехавший ни свет ни заря Ци Мо только к полудню смог перевести дух. Уединившись в гримёрке, он наконец-то открыл контейнер с едой — то ли запоздалым завтраком, то ли слишком ранним обедом.

Рацион для него заказывала Хуан Жолинь. С точки зрения диетологии придраться было не к чему: идеальный баланс белков, жиров и углеводов. Однако на вкус это здоровое великолепие оказалось картонно-пресным. Жевал Ци Мо совершенно без аппетита — отварное мясо не пахло даже мясом.

Кое-как запихнув в себя безвкусные куски, он вытер губы салфеткой и повернулся к менеджеру. Хуан Жолинь в этот момент с аппетитом уплетала обжигающе острый малатан.

— Кстати, сестрица Линь, завтра у меня свободный день?

Сегодняшний ранний подъём был обусловлен съёмками для рекламной кампании мятных леденцов, чьим амбассадором он являлся. Холодная свежесть и ледяная безупречность — этот образ сидел на нём как влитой. Ирония судьбы заключалась в том, что Ци Мо был неисправимым сладкоежкой. Мята, конечно, тоже относилась к кондитерским вкусам, но его душа требовала приторной, классической сладости. Во время съёмок ему пришлось задействовать весь свой актёрский потенциал, иначе разбалованный бренд расторг бы

контракт прямо в павильоне.

Сейчас, когда на Ци Мо висело крупное реалити-шоу, а в перерывах приходилось отрабатывать рекламные контракты, обойтись без агента было невозможно. Хуан Жолинь придерживалась старой закалки и терпеть не могла, когда молодёжь сидела без дела, особенно её главный подопечный. Стоило Ци Мо заикнуться об отдыхе, как у неё тут же срабатывал профессиональный рефлекс: ленится, мерзавец! Но на дворе стоял двадцать первый век, и старые методы беспощадной эксплуатации трудового народа уже не работали.

— Нет ничего, пуст твой календарь, — вздохнула Жолинь, сокрушённо качая головой. В её голосе прозвучало искреннее разочарование упущенной выгодой. Впрочем, она не придавала вопросу значения — решила, что Ци Мо просто сотрясает воздух от скуки.

Но стоило ей расслабиться, как тон юноши резко изменился:

— И ещё одно. Думаю, мне стоит поставить тебя в известность.

Жолинь понятия не имела, о чём пойдёт речь, но по тому, как похолодел его голос, интуиция взвыла: новости ей не понравятся. Она медленно прожевала очередную порцию малатана, внезапно осознав, что аппетит пропал начисто.

— Что за новость? — осторожно спросила она, подозрительно прищурившись.

— Я теперь живу не один, — ровным, будничным тоном произнёс Ци Мо, словно сообщал прогноз погоды. — Мой сожитель — Сюй Яньци.

Новость бахнула почище грома среди ясного неба. Жолинь так вздрогнула, что зажатый в палочках кусок мяса, едва не добравшись до рта, сорвался и полетел обратно в миску. Жирный бульон веером брызнул во все стороны, украсив её дорогой дизайнерский костюм светлых тонов россыпью уродливых тёмных пятен.

В любой другой день она бы устроила скандал планетарного масштаба из-за испорченного шёлка, но сейчас Жолинь даже не посмотрела на одежду.

В её голове со свистом завертелись шестерёнки. За долгие годы работы в индустрии она повидала всякое, но чтобы фанатские фантазии о «сладкой парочке» материализовались в суровую реальность столь стремительно — такое случилось впервые.

Профессиональный мозг тут же выдал каскад антикризисных сценариев. Разум лихорадочно просчитывал варианты: как реагировать, если папарацци поймают их в одном подъезде? Какие пресс-релизы готовить? Стоит ли заранее заслать лояльных людей на фанатские форумы, чтобы подготовить мягкую почву для будущего каминг-аута?

Поток мыслей пронёсся со скоростью света. И лишь когда первая паника улеглась, Жолинь сообразила задать самый очевидный вопрос. С момента сенсационного заявления Ци Мо прошло от силы секунд десять.

— Как вообще вас угораздило съехаться? — спросила она. Слово «сожитительство» упорно застревало в горле.

Ци Мо, разумеется, и не подозревал, какие бури бушевали в душе его агента. Для него её минутное замешательство выглядело как обычная задумчивость.

Оставаясь абсолютно невозмутимым, он пожал плечами:

— У него в квартире прорвало трубу. А я в этот момент оказался рядом.

Он вкратце обрисовал ночные приключения. Когда рассказ завершился, Жолинь поймала себя на странном чувстве... разочарования. Всё оказалось банально до безобразия: обычная товарищеская выручка, никакой романтики.

Быстро покончив с обедом и выждав положенные полчаса, Ци Мо вернулся под прицел софитов. Работа спорилась. И хотя утром он предупреждал Яньци, что освободится только к вечеру, машина припарковалась у его дома уже в начале второго.

Ци Мо уже собирался выйти, но его взгляд зацепился за зеркало заднего вида. На заднем сиденье одиноко лежал вчерашний букет. На душе мгновенно стало мутно, и он тихо вздохнул.

Об этих цветах он думал последние сутки. Их истинный владелец, похоже, напрочь позабыл о подарке — после потопа Яньци даже словом о нём не обмолвился.

Но бросить букет в машине Ци Мо не мог. Смирившись с неизбежным, он забрал цветы с сиденья, хмуро поразглядывал пышные бутоны и, тяжело вздохнув, поволок охапку наверх.

Дверь бесшумно открылась. Гостиная тонула в ярком солнечном свете, льющемся сквозь панорамные окна. Май стремительно катился к закату, готовясь уступить место июню — весна уходила, оставляя тёплые воспоминания, а вслед за ней торопливо спешило лето.

Сюй Яньци сидел в кресле, полностью погружённый в изучение парящего перед ним полупрозрачного экрана оптического терминала. Солнечные лучи бережно обнимали его плечи, окутывая фигуру мягким золотистым сиянием.

Он медленно моргал, и его длинные ресницы, точно крылья крохотной бабочки, взлетали и опускались, преломляя косые лучи. В этом золотом мареве его силуэт казался одновременно чётким и зыбким, словно мираж.

Почувствовав чужой взгляд, Сюй Яньци встрепнулся и быстро обернулся к дверям. Окружавшие его пылинки взметнулись в воздухе и испуганно брызнули в стороны, будто потревоженные лесные пичуги.

И в этот миг Ци Мо показалось, будто само солнце негромко произнесло:

— С возвращением.

<http://bllate.org/book/18362/1864906>